

АКСИОЛОГИЯ ОХРАНЫ ПРАВА: УКРАИНСКИЕ ПРАВОВАЯ ПРАКТИКА И ДОКТРИНА

Василий БУЮКЛИ,

соискатель

Национального университета «Одесская юридическая академия»

Summary

Author analyzes the specifics of the doctrinal understanding of the axiological aspects of government agencies' activities in the field of law protection, indicates the specifics of their application in the legal reality of Ukraine. This article contains an analysis of valuable directions for appropriate law enforcement modalities in the field of law protection. Author covers the problem of the discrepancy of real and declared values in the field of law protection. There is proposed to suggest the person, the law, the state, the democracy and the freedom to the key values, determining the content of the law protection.

Key words: law protection, legal axiology, legal values, limitation of rights, social regulators.

Аннотация

Автор осуществляет анализ специфики доктринального осмысления аксиологических аспектов деятельности государственных структур в сфере охраны права, указывает на специфику их применения в правовой действительности Украины. Статья содержит анализ ценностных направлений соответствующих правоприменительных форм деятельности в сфере охраны права. Автор освещает проблему несоответствия реальных и декларируемых ценностей в сфере охраны права. К ключевым ценностям, определяющим содержание охраны права, предложено отнести человека, право, государство, демократию, свободу.

Ключевые слова: охрана права, правовая аксиология, правовые ценности, ограничение прав, социальные регуляторы.

Постановка проблемы. Вопрос определения набора социальных ценностей как движущей силы в сфере охраны права следует признать достаточно важным в формате нашего исследований правоприменения, полицейской и так называемой «правоохранительной» деятельности. Неразрешенность проблемы иерархии таковых ценностей, а также проблемы целесообразности ее официального установления показывают невозможность долговременного сохранения в правовой доктрине и практике постсоветских государств устаревших, архаичных, подходов по вопросам охраны права и ее нормативного и организационного обеспечения.

Актуальность исследования разрешительной системы в Украине в постсоветский период обусловлена, в первую очередь, ее практической значимостью в условиях изменения законодательства касательно судебных и полицейских органов, а также низким уровнем исследованности соответствующих аспектов в юридической доктрине. В целом украинская школа философии права уделяет аксиологическим аспектам существенное внимание; соответствующие аспекты раскрыты в работах А. Бандуры, К. Горобца, П. Рабиновича. В то же время, учитывая недостаточное освещение в указанных работах специфики правовых ценностей именно в системе охраны права,

необходимо определиться, в первую очередь, с такими социальными ценностями. При этом возникает вопрос абсолютного либо относительного характера таковых социальных ценностей, а также их иерархии.

Цель исследования. Статья должна определить особенности развития системы социальных ценностей в механизмах охраны права, основываясь на украинской правовой практике и наработанной по данному вопросу доктрине.

Изложение основного материала исследования. Проблематика социальных ценностей неоднозначно отражена в трудах теоретиков и философов права. Н. Цинцадзе по этому поводу указывает, что социальные ценности, перво-степенные для государства и общества в тот или иной период исторического развития, являются правообразующим фактором и соотносятся с актуальными интересами и потребностями. Для того чтобы социальные ценности получили правовую форму, они должны отражать мнение большинства и согласовываться с политикой правящей политической элиты, которая законодательно их закрепляет и гарантирует [1, с. 340].

Одновременно таким должен быть характер настоящих, а не декларативных социальных ценностей; впрочем, соответствующая концепция не предусматривает решения в ситуации, при которой политическая элита и боль-

шинство населения имеют различные базовые социальные ценности. По этому поводу стоит добавить мнение А. Бабенко, отмечающего, что право исторически созревает вместе с человеческим духом, ценностные нормы рождаются из глубин души, а не исходят от внешнего, безличного социума, а ценностно-правовые иерархии общественных слоев не всегда совпадают [2, с. 8].

А. Ерофеев указывает на такие черты правовых ценностей, как абсолютность, исключая актуальность оценочного релятивизма; предельность, связанная с требованиями правомерности, но не ограниченная пространственно-временными и субъектными пределами конкретных, индивидуально определенных, юридически значимых отношений. Такие черты, добавляет А. Ерофеев, выступают объективным индикатором индивидуальной и общенародной идентичности и важным средством социокультурного самосохранения в условиях глобализации [3, с. 21].

Одновременно такое дробление социальных ценностей не является для поднятой нами проблемы актуальным; поскольку охрана права является межотраслевой системой, она должна быть откорректирована с социальными ценностями, носящими общеправовой характер. Добавим, что И. Бабаджанов утверждает о необходимости государственного участия в процессе

формирования системы ценностей, на основании которой может развиваться гражданское общество. По его мнению, в основу построения системных аксиологических моделей заложены принципы разграничения социальных ценностей на предметные и субъективные, на ценности жизни и культурные ценности, а государство может апеллировать к любой системе ценностей [4, с. 144].

И. Смирнова указывает на необходимость изучения аксиологических характеристик правовых явлений на всех этапах, начиная с процесса осознания, законодательного закрепления системы охраняемых законом ценностей и заканчивая полученными результатами реализованной государством политики. Она констатирует, что формирование системы критериев аксиологической оценки опирается на существование и несомненное влияние «человеческого фактора», на невозможность их бытия вне общества и вне человеческого сознания. При этом систему индикаторов социальной ценности образуют нормативные, регулятивные и фактические элементы [5, с. 78].

Вместе с тем А. Белинова указывает на концепцию, согласно которой «правовые ценности становятся ценностями государства, они закрепляются законодательно и требуют законопослушности от всех членов общества». Такие взгляды данный автор оценивает как легистский подход к праву, когда ценность права как форма отражения интересов классов, групп, индивидов, а также общечеловеческих интересов неодинаково себя проявляет в нормах и институтах права» и в таких условиях «собственной ценности права не может существовать, оно служит масштабом, средством нормирования» [6, с. 31].

Таким образом, можно увидеть определенное противоречие между правовыми и социальными ценностями: правовые ценности могут отражать социальные (или нет, если такие правовые ценности являются явно искусственными, идеологическими), но не отображать иерархию таких ценностей, придавать им субъективное измерение через отражение в формах права. В таких условиях охрана права должна учитывать систему правовых ценностей и одновременно отражать объективную ситуацию с социальными

ценностями, которые сложились в обществе. Такая объективная ситуация может существенно отличаться от формально задекларированной.

Добавим, что Ю. Лобода указывает на «специфичность отечественной правовой системы», взятую по сравнению с правовыми системами других народов, которая «является не исторической случайностью, а, наоборот, проявлением глубинных исторических закономерностей, которые характеризуют как этногенез украинского народа, так и его политическую и социально-экономическую историю» [7, с. 55].

При этом признается, что действующая в Украине судебная система, как и вся правовая система, функционируют по другим законам, чем в тех странах, где правовые системы ориентированы на развитие. Ю. Лобода указывает на то, что в отечественной правоприменительной практике доведены до абсурда формализм, буквальность и казуальности в толковании правовых норм, парадоксальным образом сочетаются с нигде формально не закрепленной, но общепризнанной доктриной, с одной стороны, а с другой – «с попыткой учитывать обстоятельства и интересы, находящиеся за пределами, необходимыми для надлежащего применения соответствующих правовых норм» [7, с. 55].

Ярким примером такого несоответствия являются нормы ст. 3 Конституции Украины, согласно которой человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются в Украине наивысшей социальной ценностью. При этом права и свободы человека и их гарантии должны определять содержание и направленность деятельности государства, государство отвечает перед человеком за свою деятельность, а утверждение и обеспечение прав и свобод человека является главной обязанностью государства. Следует указать, что кроме идеалистичности такой индивидуалистской концепции она вызывает практические вопросы, ведь, в частности, непонятно соотношения жизни и достоинства, безопасности и здоровья человека.

Многие авторы отмечают социальную самооценку права как такового. Так, А. Сидоренко указывает на ценность догмы права, приобретающей

свою реальность как система, объединяющая логические свойства правовых нормативов, нормативных компонентов правосознания и нормативных элементов правоотношений, посредством чего в определенной степени снимается противопоставление догматической юриспруденции социологической и психологической теориям права, поскольку «каждая из них имеет в своей основе догму» [8, с. 78]. Подобные мысли высказывает и Ю. Бондарь в контексте характеристики аксиологии права как фактора развития правоправедения [9, с. 156].

А. Белинова отмечает, что в демократическом гражданском обществе и правовом государстве собственная ценность права должна иметь доминирующее значение и заключается в том, что право является глубинным элементом цивилизации, культуры, который вбирает в себя важнейшие социальные ценности общества, в том, что право выражает важнейшие общечеловеческие ценности – свободу, справедливость и равенство людей [6, с. 31]. С. Пушкарев указывает установку, согласно которой право – единственная ценность, а все неправовые ориентиры общественной жизни вытекают только из сущности права, в том числе и нормы нравственности, справедливости, представления о добре и зле [10, с. 89]. Эти концепции позволяют объяснить аксиологические основы охраны права как социальной ценности, но не снимают вопрос о природе ценности права.

Вместе с тем отдельные авторы предлагают под ключевой ценностью понимать государство. Так, Ю. Лобода определяет как ценность социальную сущность государства; такую сущность данным автором детерминировано как специфическое свойство государства, заключающееся в способности обеспечивать в процессе своего функционирования и развития удовлетворения основных потребностей всего общества, а также создавать условия для возможного при имеющихся конкретно-исторических обстоятельствах удовлетворения потребностей и интересов отдельных индивидов и их сообществ (национальных, социально-экономических, демографических и т. д.) [11, с. 440].

Российский автор И. Смирнова считает, что особенность общественного

восприятия взаимоотношений власти и народа заключается в том, что «социальное безвластие никогда не рассматривалось как ценность, а государство не мыслилась без управления, под которым следует понимать функцию социальной системы, обеспечивающей сохранение ее структуры, поддержание режима деятельности, реализацию программ и целей, влияние на общество с целью его упорядочения, сохранения качественной специфики, совершенствования и развития» [5, с. 78]. Ряд авторов рассматривает свободу как ключевую социальную ценность. Так, Б. Павлюк предлагает исследовать ценность свободы как основы возможностей реализации социально-политических интересов человека и общества, в случае, когда она относится не с позиции социально детерминированной зависимости человека от природы, а тогда, когда человек или общество проводят свою социальную, политическую деятельность, то есть создателями своей судьбы и своей жизни, поведения и поступков, которые возможны при условии самореализации свободы [12].

В свою очередь Т. Крамар утверждает, что свобода в процессе развития личности дает возможность, с одной стороны, реализовать потребности индивидуального, а с другой – отражает содержание социального; включает в себя индивидуальное, хотя и имеет социальный смысл. Человек рассматривает способы реализации собственной индивидуальности через призму общественных интересов, ценностей, которые становятся понятными и значимыми тогда, когда она видит в них реальную основу для достижения личных целей [13, с. 117].

Добавим, что Б. Павлюк считает, что ценностная стоимость свободы заключается в том, что с ее помощью человек может реализовать свои социальные, политические интересы, потребности, стремления, может стать свободным. Поэтому личная и гражданская свобода выступают в интересах человека абсолютной ценностью, которой должна стремиться как отдельный человек, так и общество в целом [12]. Считаем, что свобода в современном гражданском обществе имеет четкое материальное измерение, что отражено как в самоорганизации и самоуправлении, так и в обеспечении прав (свобод) индивида.

Одновременно определить, какая социальная ценность (человек, государство, свобода или право как таковое) является для охраны права определяющей, очень трудно. В этом контексте стоит привести мнение Н. Цинцадзе, которая считает, что многообразие и сложность дифференцирования аксиологических концепций права связаны с нерешенными вопросами критериев типизации правопонимания, ведь «становится очевидным, что классические типы правопонимания не удовлетворяют постиндустриальные запросы» [14, с. 254].

А. Бабенко по соответствующим вопросам утверждает, что ценностные основания национальных правовых систем имеют множество различий, ведь блок правовых ценностей, определяемых нормативно закрепленными правами, состоит не произвольно, а детерминирован объективными закономерностями политики государства [2, с. 7]. С. Пушкарев отмечает, что правовые ценности формируются путем выработки ценностных критериев, которые в процессе развития государства и права имеют способность трансформироваться в соответствии с существующими реалиями общественной жизни, правосознанием, правовой культурой, мировоззрением и духовными ценностями [10, с. 89].

Для сравнения соответствующих теоретических концепций с практикой отражения социальных ценностей в отечественных механизмах охраны права следует проанализировать текущий опыт использования охраны права как средства решения социальных конфликтов. В этом контексте знакомым следует считать закон Украины от 19 декабря 2013 г. № 712-VII, который должен обеспечить «устранения негативных последствий и недопущения преследования и наказания по поводу событий, которые имели место во время проведения мирных собраний», и предусматривал освобождение таких лиц от административной и уголовной ответственности [15].

Одобрение этого акта, очевидно, подчеркнуло, что ценность правовых норм, нарушенных во время массовых протестов, меньше чем другие социальные ценности (человек, свобода, демократия). Стоит добавить, что изменения в этот закон Украины, внесенные

законом Украины от 16 января 2014 г. № 731-VII, предусмотрели ссылку на «принцип гуманизма» и ограничения отмены уголовной ответственности за «преступления, связанные с массовыми акциями протеста» [16]. Тем самым в иерархии социальных ценностей вместо свободы и демократии новая редакция закона предусматривала приоритет гуманизма перед самоценностью права. В ряде других законов, одобренных в январе 2014 г., ограничения свобод и демократических институтов было лишь формально связано с обеспечением безопасности человека.

Так, изменения в Закон Украины «О судоустройстве и статусе судей» и процессуальных законов, внесенные законом Украины от 16 января 2014 г. № 721-VII, декларировали принятие «дополнительных мер защиты безопасности граждан». Эти меры означали установления ответственности за невыполнение законных требований должностных лиц СБУ, за незаконный сбор, хранение, использование, уничтожение, распространение конфиденциальной информации о работнике правоохранительного органа, государственной исполнительной службы, их близких родственниках или членах семьи, за распространение информации, имеющей «явно оскорбительный характер и демонстрирующее вызывающее пренебрежение к работнику правоохранительного органа или работника государственной исполнительной службы» и т. п. [17].

Аналогично, Порядок проведения дополнительных мер защиты безопасности граждан, одобренный постановлением Кабинета Министров Украины от 22 января 2014 г. № 12, определил «механизм проведения органами внутренних дел дополнительных мероприятий, связанных с обеспечением прав и свобод человека и гражданина и нормального функционирования органов государственной власти Украина» [18]. Указанные акты существенно ограничивают возможность соблюдения ряда конституционных ценностей, используя категорию «безопасности граждан», но явно руководствуясь принципом доминирования такой социальной ценности, как государственная власть и ее сохранение. Подобную модель была введена и путем внесения законом Украины от 16 января 2014 г. № 725-VII

изменений в Уголовный процессуальный кодекс Украины относительно заочного уголовного производства [19].

Относительно таких новелл законодательства, принципиально изменивших подход к охране права в Украине, декларируя необходимость обеспечения «безопасности граждан», следует привести заявление Верховного комиссара ООН по правам человека Н. Пиллэй от 21 января 2014 г. Она считает, указанные законы Украины перечеркивают успехи в области обеспечения прав человека, подавляют полемику и инакомыслие, а также ставят под угрозу демократические завоевания последних двух десятилетий, не соответствуют международным стандартам. Н. Пиллэй констатировала, что указанное новое законодательство Украины вводит жесткие ограничения на возможность реализации основных прав, включая право на свободу собраний и выражения мнений, права на информацию, права на свободу гражданского общества, и что эти законы «могут привести к безнаказанности за нарушения прав человека» [20].

Это свидетельствует о несколько различном восприятии социальных ценностей прошлой украинской властью и мировым сообществом. Затем соответствующие новеллы законов от 16 января 2014 г. были отменены законом от 29 января 2014 г. в результате неоднократных протестов населения. Таким образом, можно увидеть, что ценности, введенные в соответствующих актах властью, не нашли отражения в системе социальных ценностей населения Украины. Следствием принятия этих законов было обострение общественного противостояния. Это свидетельствует прежде всего о различии социальных ценностей, которые видят основой охраны права авторы указанных законов и гражданское общество Украины. Тем самым в глазах гражданского общества социальными ценностями в сфере правоохраны усматриваются свобода (как высшая ценность), а также человек и право как таковое.

Наиболее характерным примером различия взглядов на ценности в сфере охраны права является официальное сообщение для СМИ пресс-службы Генеральной прокуратуры Украины от 23 января 2014 г., в котором указано об

«угрозе жизни и спокойствия киевлян», а также о том, что «в случае, если радикально настроенные лица прекратят насильственные действия, поджоги, погромы, сопротивление правоохранительным органам и освободят улицу Грушевского, органы прокуратуры будут ходатайствовать перед судами об изменении меры пресечения на более мягкую для уже арестованных лиц, и о мере пресечения не связанную с арестом для тех, кому она еще не выбрана».

По поводу этой информации было обнародовано заявление Украинского Хельсинского союза по правам человека от 24 января 2014 г., в котором констатировалось, что единственным основанием для лишения указанных прокуратурой лиц свободы есть желание использовать их положение для того, чтобы побудить неизвестных прекратить насильственные действия, поджоги, погромы, сопротивление правоохранительным органам. Из этого, по мнению авторов заявления, следует, что органы прокуратуры считают, что все эти лица могут находиться на свободе, и, таким образом, нет никаких законных оснований для содержания этих лиц под стражей, кроме желания побудить неопределенный круг физических лиц к совершению или воздержанию от совершения какого-либо действия. Такую позицию прокуратуры было фактически квалифицировано Украинским Хельсинским союзом как захват заложников [21].

Таким образом, можно увидеть, что определенные социальные ценности признаются органами прокуратуры более значимыми, чем формальное право (ведь допускается его нарушения вплоть до публичного совершения преступления) и права человека. Одновременно вряд ли к таким ценностям можно было бы отнести задекларированные «жизнь и спокойствие киевлян». Следует указать, что соответствующее отношение к гражданам Украины как к заложникам по вопросам обеспечения охраны прав можно было увидеть и в законе Украины «Об устранении негативных последствий и недопущения преследования и наказания по поводу событий, которые имели место во время проведения мирных собраний» от 29 января 2014 г.

Этим законодательным актом должны быть освобождены от уголовной от-

ветственности в особом порядке лица, являющиеся подозреваемыми или обвиняемыми (подсудимыми) в совершении в период с 27 декабря 2013 г. и до дня вступления в силу закона. Одновременно указанный закон предусматривал особый порядок введения в действие его норм. В частности, он должен был вступить в силу со дня, следующего за днем его опубликования, однако вводиться в действие со дня, следующего за днем опубликования, на официальном сайте Генеральной прокуратуры уведомлением Генерального прокурора Украины о фактическом совершении участниками массовых акций протеста совокупности определенных действий в пятнадцатидневный срок со дня, следующего за днем вступления в силу этого закона, а именно:

– освобождение всех занятых в Киеве и других населенных пунктах во время акций протеста зданий или помещений органов государственной власти и местного самоуправления, а также допуск к своим рабочим местам лиц, которые там работают, снятия других препятствий для функционирования этих объектов;

– разблокировка транспортных коммуникаций на улице Грушевского в Киеве участниками массовых акций протеста;

– разблокировка других улиц, площадей и т. д. в городе Киеве и других населенных пунктах, кроме тех, на которых происходят мирные акции протеста.

Фактически данный закон является уникальным в отечественной практике нормативного обеспечения охраны прав, ведь он связывает наличие правовых санкций (уголовных и административных наказаний) для одних лиц с поведением других лиц. Такой акт следует считать легализацией в отечественной практике института заложников. Интересно, что захватывая таким образом людей в заложники, государство не исключает принцип человека как высшей социальной ценности, а использует его силу для общества (но одновременно тем самым выводит себя за рамки такого общества и его ценностей).

Выводы. Охрана права невозможна без определения системы ценностей, которые она должна обеспечивать и какими должны руководствоваться субъекты соответствующих отноше-

ний. Установлення такої системи ґрунтується фактично протиставленням правових і інших соціальних цінностей, несомпадінням декларативних і реальних цінностей права, розподілом правових цінностей на галузеві (в той час як охорона прав є міжгалузевим феноменом), відсутністю стійкої ієрархії правових цінностей. Ключовими цінностями, визначаючими зміст охорони права, є правова доктрина людини, держава, демократія, свобода. Протиріччя в сприйнятті цих цінностей в українському державстві і суспільстві зменшує ефективність охорони права і зменшує значення права як соціального регулятора, призводить до ситуацій, коли держава, декларуючи охорону права, здійснює його тотальне і масове порушення.

Список использованной литературы:

1. Цинцадзе Н. Приоритетные правовые ценности государства и общества (на примере формирования водного законодательства России конца XIX – начала XX в.) / Н. Цинцадзе // Вестник Тамбовского университета. – Серия «Гуманитарные науки». – 2013. – № 7. – С. 333–343.
2. Бабенко А. Аксиологическое содержание правовых норм / А. Бабенко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – Серия «Право». – 2005. – № 8. – Вып. 6. – С. 4–8.
3. Ерофеев А. Ценностный подход в конституционном праве / А. Ерофеев // Вестник Челябинского государственного университета. – Серия «Право». – 2011. – № 19. – Вып. 28. – С. 19–22.
4. Бабаджанов И. Гражданско-правовые проблемы права на жизнь и здоровье : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.03 / И. Бабаджанов. – Душанбе, 2004. – 175 с.
5. Смирнова И. Аксиология уголовного судопроизводства: новая методология исследования / И. Смирнова. – Иркутск : БГУЭП, 2010. – 100 с.
6. Белинова О. Ценность права и ценности в праве / О. Белинова, В. Фомин // Научный вестник Омской Академии. – 2012. – № 1. – С. 29–33.
7. Лобода Ю. Правова традиція українського народу (Феномен та об'єкт загальнотеоретичного дискурсу) / Ю. Лобода. – Львів : Світ, 2009. – 280 с.
8. Сидоренко О. Поняття та особливості догми права / О. Сидоренко // Університетські наукові записки. – 2005. – № 1–2. – С. 56–60.
9. Бондар Ю. Аксиологія права як чинник розвитку правознавства / Ю. Бондар // Сучасні проблеми правової системи України. – 2010. – Вип. 2. – С. 97–100.
10. Пушкарев С. Правовые ценности в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.01 / С. Пушкарев. – Р.-на-Д., 2009. – 24 с.
11. Лобода Ю. Цінність держави як елемент її сутності / Ю. Лобода // Актуальні проблеми політики. – 2001. – Вип. 10–11. – С. 437–442.
12. Павлюк Б. Свобода як конститутив у реалізації соціально-політичних інтересів суспільства / Б. Павлюк [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://www.westukr.itgo.com/b_pavluk.html.
13. Крамар Т. Свобода як контамінація вибору та необхідності / Т. Крамар // Гуманітарний вісник Запорізької державної архітектурної академії. – 2009. – Вип. 39. – С. 116–120.
14. Цинцадзе Н. Концептуальные аспекты аксиологической теории права / Н. Цинцадзе // Вестник Тамбовского университета. – Серия «Гуманитарные науки». – 2013. – № 5. – С. 251–259.
15. Про усунення негативних наслідків та недопущення переслідування та покарання осіб з приводу подій, які мали місце під час проведення мирних зібрань : Закон України від 19 грудня 2013 р. № 712-VII [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/712-18/ed20131219>.
16. Про внесення змін до Закону України «Про усунення негативних наслідків та недопущення переслідування та покарання осіб з приводу подій, які мали місце під час проведення мирних зібрань» : Закон України від 16 січня 2014 р. № 731-VII [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/731-18/paran2#n2>.
17. Про внесення змін до Закону України «Про судоустрій і статус суддів» та процесуальних законів щодо додаткових заходів захисту безпеки громадян : Закон України від 16 січня 2014 р. № 721-VII [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/721-18>.
18. Про затвердження Порядку проведення додаткових заходів захисту безпеки громадян : постанова Кабінету Міністрів України від 22 січня 2014 р. № 12 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/12-2014-p>.
19. Про внесення змін до Кримінального процесуального кодексу України щодо заочного кримінального провадження : Закон України від 16 січня 2014 р. № 725-VII // Голос України. – 2014. – № 10. – С. 6–7.
20. Нові закони можуть серйозно обмежити основні права людини в Україні : Заява Верховного комісара ООН з прав людини Наві Піллей [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.un.org.ua/ua/information-centre/news/1778>.
21. Виконавчий директор УГСПЛ вимагає розслідувати тримання заручників органами влади : Заява від 24 січня 2014 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://helsinki.org.ua/index.php?id=1390565683>.